

Они сделались мне известными благодаря ноябрьскому выпуску «Собеседника» за 1822 год. Все напечатанные там романы носят юмористический характер, а их удачный перевод доставил мне тем большее наслаждение, что под несколько странно звучащим именем я узнал, как полагаю, некогда близкого мне соседа. Тотчас, при их рассмотрении, во мне зародились нижеследующие мысли, которые я тут же и записал.

Весьма часто говорят о народных песнях, не отдавая себе, в сущности, ясного отчета в том, что под этим надо подразумевать. Обыкновенно под ними понимают стихотворения, создавшиеся если и не среди дикого, то, во всяком случае, не просвещенного народа: так как поэтический талант проникает в глубь всей человеческой природы, то он может проявляться где угодно, хотя бы даже на самой низшей ступени развития. Об этом так часто говорилось, что мне кажется излишним распространяться подробнее.

Мне хотелось бы, однако, с помощью ничтожного изменения в терминологии обозначить нечто существенно отличное, — я хочу говорить о песнях народа, то есть песнях, которые обрисовывают своеобразие того или иного народа и отображают если не весь его характер в целом, то хотя бы его главные и основные черты.

Да извинят меня за то, что я по немецкому и северному обычаю сделаю здесь передышку и выскажу следующее.

Идея, воплотившаяся в явление, всегда возбуждает опасение, своего рода боязнь, стеснение и чувство недовольства — человек невольно становится в оборонительную позу. И я не знаю ни одной нации, которая бы воплощала так непосредственно известную идею в своей повседневной обыденнейшей жизни, как испанская, тем самым давая нам возможность делать превосходные выводы касательно вышесказанного.

Идея, проявляющаяся непосредственно в жизни, в действительности, поскольку она не действует с суровой трагичностью, неизменно кажется чем-то фантастическим и, блуждая под этой личиной, погибает, не имея возможности сохранить свою возвышенную чистоту; даже оболочка, в которой проявлялась данная идея, бесславно гибнет, и притом как раз благодаря стремлению сохранить эту неземную чистоту. Но оставим в стороне сотни побочных мыслей и обратимся снова к нашему предмету.

Идея, приобретая фантастический характер, утрачивает всякую ценность, а посему и фантастика, погибая при столкновении с действительностью, не вызывает сочувствия, а скорее смешит, так как дает повод для комических положений, которые весьма по вкусу веселому людскому зложелательству. Я с трудом могу припомнить нечто подобное и столь же удачное в немецкой литературе, о неудачах же каждый рассудительный читатель вспомнит и сам. Замечательнейшим достижением в этой области является «Дон Кихот» Сервантеса. А за то, что может быть в нем осуждено высшим судом, пусть отвечает сам испанец.

Но как раз предлагаемые романы испанского народа, в которых чувствуется высокая поэтическая одаренность, живут и витают всегда между двумя элементами, постоянно стремящимися к слиянию и вечно отталкивающимися друг друга, — между возвышенным и пошлым, так что и действующие в них лица всегда чувствуют себя как бы между двумя жерновами. Однако это злословие отнюдь не трагично, отнюдь не погубительно, напротив, над ним нельзя не посмеяться, и только хочется обладать таким же юмором, чтобы и самим петь или хотя бы слышать у себя подобные песни.

Вскоре по написании этого я получил тетрадь, содержащую еще большее количество подобных вещей, которые я хотел бы назвать юмористическими балладами; девять из них, вполне подтверждающие все сказанное выше, являлись драгоценнейшими образцами этого литературного рода.

Однако сборник не исчерпывается юмористическим жанром; краткости ради мы скажем, что в нем содержатся юмористические, трагические и трагикомические пьесы. Все они свидетельствуют о величии, глубоком, разумном и возвышенном взгляде на жизнь. Трагические романы вызывают трепет и трогают, не впадая в сентиментальность; комические отличаются шутивостью без дерзости и доводят забавное до нелепости, не забывая о возвышенном его происхождении. Здесь высокий взгляд на жизнь выражается в иронии; здесь замечается, наряду с величием — лукавство и даже самое обычное не превращается в пошлость. Трагикомические романы серьезны и вращаются в опасных сферах страстей; но опасность предотвращается чьим-либо вмешательством, а где это невозможно — самоотречением, монастырем или могилой. Все они говорят нам о нации, которая обладала и обладает разнообразной действительностью, и, в ее пределах, богатой духовной жизнью.

1823

Комментарии

Напечатано в журнале «Об искусстве и древности» в 1823 году.

Борегар Пандэн — французский псевдоним немецкого поэта Карла Фридриха фон Яригеса (1773–1826).

«Собеседник» — журнал, издававшийся в Берлине (1817–1848).

А. Аникст